

Алексей Ксендзюк «Сталкинг: его сущность и основные стратегии»

3 апреля 2007. Разместил: [SunOrigin](#)

Я ничуть не претендую на исчерпывающее описание дисциплины сталкинга, поскольку сам не владею им в совершенстве. Мое предрасположение — сновидение, и лишь неизбежная потребность овладеть в максимальной степени навыками «выслеживания» вынудила меня долгие годы работать в сталкерском направлении.

Результатом этой работы стало характерное для сновидящего структурирование данной области опыта.

Сталкинг — это особое искусство работы с вниманием. Искусство универсальное, потому что направлено на фиксацию всякого измененного восприятия. Изменить режим восприятия, сместить точку сборки можно разными способами. История мирового мистицизма знает десятки и даже сотни рецептов — начиная с «волшебных грибов» и заканчивая изощренными способами медитации.

Главная проблема трансформации всегда заключалась не в самом изменении режима восприятия, а в обретении новой стабильности. Только полноценная фиксация в новом положении включает трансформационные процессы. Только здесь начинается подлинная магия и подлинное преображение человеческой природы.

Интересно, что сам сталкинг легко становится способом смещения точки сборки, если к нему прилагается соответствующее намерение. В этом смысле сталкинг может оказаться главной опорой толтекского знания и привести к удивительным эффектам. Когда толтеки обнаружили специфическую силу, заключенную в сталкинге, они также выяснили, что каждый воин имеет собственное предрасположение. Одни склонны приходить к сталкингу через сновидение, другие — напротив, идут к сновидению с помощью сталкинга.

Таким образом, толтекские маги разделились на сновидящих и сталкеров. Сновидящие по природе своей одиноки. Каждый из них стремится посещать избранные им перцептивные поля. Такой путь одинокого Приключения далеко не всегда приводит к полноценной Трансформации. Я коротко объясню, почему.

У каждого своя направленность личной силы в сновидении и во втором внимании. Направленность связана с характером намерения, а характер намерения — с особенностями личного тоналя.

Особенности тоналя ведут к формированию полусознательных или даже бессознательных ассоциаций (цепочек образов и связанных с ними эмоций). Это и есть хранимый у нас «в затылке» образ цели. Когда мы пытаемся остановить внутренний диалог и совершить заданное неделание, этот бессознательный вектор активизируется и точка сборки уходит вслед за ним. В результате «ветер нагуаля» разносит нас в разные стороны.

Объем накопленной силы определяет глубину сдвига точки сборки. У каждого объем — свой. Как это ни банально звучит, но объем силы совершенно зеркально отражает уровень безупречности каждого из нас. К сожалению, безупречность у большинства из нас очень далека от совершенства.

Именно здесь, судя по всему, обнаруживается самое слабое место. Механический навык остановки внутреннего диалога и неделания выше, чем повседневный уровень безупречности. А это, в свою очередь, определяет уровень интенсивности осознания. В результате, часто получается что-то вроде движения «без руля и без ветрил». Когда мы попадаем в сильные «воздушные потоки», можно улететь довольно далеко, но куда — этого никто толком не знает. Вот проблема.

Трансформация значительных объемов энергетического тела (что и является целью толтекской магии) происходит за счет вынужденной активности энергообмена. Достижение подлинной синхронизации сдвигов точки сборки, очевидно, напрямую связано с образом цели. Это штука темная, ибо относится к нагуалю. Упорядоченно (тонально) воспринять цель, т.е. позицию точки сборки, невозможно. Это не восприятие, а ощущение тела (энергетического, в первую очередь). Вот почему чистота тоналя так много определяет. Абсолютно чистый тональ ничего не ожидает от наших опытов и потому ничего не моделирует. Это достигается лишь в том случае, когда все «три ремня» (страх смерти, ЧСВ и жалость к себе) ослаблены равномерно.

Отсюда главное — **ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ УСИЛЕНИЕ СТАЛКИНГА САМОГО СЕБЯ**. В результате образ цели должен стать максимально абстрактным (содержательно, т.е. тонально) на фоне высокой чувствительности энергетического тела, от которого идут аморфные сенсорные импульсы, ведущие к цели сами по себе, за счет одного лишь резонанса, а не мысли о нем. Качественный сталкинг может помочь уловить в себе это тонкое ощущение.

Смог ли я объяснить, что имею в виду? Попробуйте прислушаться к себе. Телесные ощущения дают многое — но они практически неопишуты. Возможно, вы почувствуете прохладу в районе груди, некоторую неуверенность в контурах тела, характерную дрожь, но главное — отчетливое переживание ПОЛНОГО отсутствия страха смерти, ЧСВ, жалости к себе. Проекцией такого ощущения становится очень странная дезориентация обычного осознания как в отношении пространства, так и времени. Координаты описания становятся почти нереальными или, по меньшей мере, сильно искажаются. Сталкинг нужен еще и для того, чтобы, в случае достижения этого состояния, не потеряться в нем.

Любой непривычный способ восприятия автоматически вынуждает нас блуждать, ни на чем специально не останавливаясь. Общее любопытство сновидящего — недостаточный стимул для жесткой фиксации и деятельности энергетического тела. Чтобы заставить свою целостность заработать во втором внимании или во внимании сновидения, надо построить модель условных отношений, систему координат, структурировать опыт по модели первого внимания и установить иерархию целей, мотивов, реакций.

Все вышеперечисленное — своеобразные ключи к оживлению инертных полевых зон, фиксирующие якоря, которые вынуждают исследователя пережить чужеродные комплексы сенсорных сигналов во всей полноте — и этим обрести еще один облик своего существа, живущего в прежде невообразимой среде. Это достигается при помощи специфического самосталкинга.

Энергетически эффективное действие становится доступным сновидящему в результате той особой убежденности тела, которая открывается через систематический сталкинг в процессе освоения конкретной позиции сновидения. Конечно, подобная практика имеет определенные недостатки, детерминированные изначальной установкой сновидящего. Если его цель — в сновидении или во втором внимании, она заслоняет все остальное, как только начинает проявлять свою реальность. Повседневный мир первого внимания больше не вызывает интереса.

Окружающие люди на фоне самосталкинга сновидящего уходят на второй план и не привлекают. Сущность отношений в первом внимании становится призрачной, об играх или манипуляциях не может быть и речи. Основное внимание абстрактно направлено на собственное энергетическое тело, в результате вокруг — одни «фантомы», как у дона Хенаро по дороге в Икстлан. Начальным импульсом для перехода в такое состояние может служить отобранный образ. Для меня — это пустыня, горы, море или нечто подобное, безлюдное и масштабное. Как только приходит изменение самоощущения и восприятия, субъективный образ следует отбросить, чтобы освободить путь в Неопределенное.

Но это лишь одна сторона сталкинга сновидящего. С ее помощью можно зафиксировать точку сборки в мире второго внимания и заниматься абстрактными исследованиями. Но так вы не сможете обрести целостность. Энергообмен почти полностью фокусируется на «втором кольце Силы» — уходит способность к разговору, к отдельным видам интерпретации воспринимаемого, а вместе с ними теряется возможность адекватного применения нового энергообмена для действий и влияний.

Чтобы интеграция протекала гармонично, сталкинг должен поддерживать среду активных социальных взаимодействий. Общение с окружающими и сохранение социально приемлемой маски в ситуации внешнего давления — самый трудный, но и самый эффективный вариант практики. Именно он постоянно «ускользает». Прежде всего потому, что большинство из нас не удерживает в течение дня этого настроения, забывается и незаметно возвращается в привычную колею.

Используйте специальное намерение. Сидеть и созерцать ландшафт — не совсем то, что нужно. Точнее, это лишь часть необходимого опыта. Сохранение внутреннего созерцания на фоне активной коммуникации с представителями стандартного тоналя — вот что приносит успех.

Все это повторяет уже сказанное у Кастанеды, но не становится предметом чувства — возможно, лишь на минуты, а нам нужно, чтобы безупречность сопровождала нас круглосуточно. Очень часто ускользает чувство смертности — ведь смерть находится на самом краю тоналя. Идея смерти постоянно удаляется от многих из нас в область исключительно умственного, что абсолютно неверно. Безупречность без «смерти за спиной» — это профанация. То же самое происходит с некоторыми аспектами чувства собственной важности. Импринтные ядра подвижны и способны к бесконечным мутациям.

Таким образом, сталкинг исполняет как минимум две функции. Во-первых, фиксирует точку сборки в любом избранном положении и этим обеспечивает полноценный энергообмен тела с внешними полями. Во-вторых, отслеживает первое внимание, чтобы безупречность поддерживалась независимо от текущей ситуации и внешних условий.

Что касается безупречности, то необходимым условием ее правильного отслеживания является перепросмотр, которому будет посвящена следующая глава. Здесь же нас интересует схема тотального сталкинга, который позволяет выделить и закрепить интересующие толтека реакции и состояния. Иными словами, нас интересует

сталкинг как инструмент, позволяющий манипулировать собственным осознанием.

Уже сам принцип позволяет повысить интенсивность осознания независимо от лежащего в его основе намерения. «Выслеживание» любой поведенческой программы подразумевает взаимовлияние двух типов опыта — автоматического (обусловленного научением и импринтами) и активно сознательного (отстранённо наблюдающего и корректирующего). Образно выражаясь, сталкер делит свое внутреннее пространство на «охотника» и на «дичь». Интенсивность его осознания как бы удваивается. Он вынужден сохранять равновесие двух позиций и не может оставить ни одну из них. Сосредоточившись исключительно на позиции наблюдателя, сталкер превратится в медитатора. Его погруженность в себя остановит естественную работу тоналя, в результате чего точка сборки тут же покинет привычное место и отправится путешествовать. Спонтанное «неделание» вовлечет его в аморфные зоны, где экзотические впечатления порождают хаос, где фрагменты описания не связаны между собой. Энергетическое тело восхищенно трепещет от необыкновенных переживаний, но управлять ими не в состоянии. Интенсивность осознания при этом колеблется, за расширением воспринимаемых областей следует их сужение. Сталкинг невозможен — «дичь» сбежала от «охотника».

Чтобы понять, какой объем работы заключен в достижении непрерывной осознанности реагирования при осуществлении различных поведенческих программ, рассмотрим общую схему тотального сталкинга.

Прежде всего, мы должны учитывать, что человек постоянно пользуется тремя типами внимания. Именно сочетание всех типов внимания выстраивает обычную схему переживания и основанного на нем поведения, результатом чего становится непрерывная потеря энергии. Внимание бывает 1) произвольным, 2) непроизвольным и 3) послепроизвольным.

(1) Первый тип внимания есть прямая манифестация осознанно принятого описания мира. Работать с ним проще всего, поскольку оно легко меняет свое направление и интенсивность, если толтек намеренно изменяет описание мира. Эта разновидность внимания опирается на те аспекты модели воспринимаемого мира, которые требуют подтверждений и не воспроизводятся автоматически. Обычно это сложные семантические конструкции, работа со структурами, состоящими из значений, опознаваемых по шаблону (практически без участия активного осознания). Однако интерпретация многоэлементных структур вынуждает внутренний диалог всякий раз повторять законы описания, что сопровождается участием произвольного внимания.

Произвольное внимание выслеживается просто, поскольку каждое его движение связано с усилием осознания. Оно охватывает информационно наиболее плотные области описания, которые предлагают несколько выборов (что требует не-автоматичности поведения), и по этой же причине сопровождаются ментальным комментированием — самым явным компонентом внутреннего диалога. Остановка ментального комментирования вызывает паузу, которая может перенаправить произвольное внимание и изменить сценарий сложного реагирования. Благодаря этим относительно несложным процессам возможно так называемое «позднее» обучение и переучивание. Так охотник учится различать следы животных, а современный человек — управлять автомобилем или работать с компьютером. Ибо во всех случаях обучения надо знать, на чем сосредоточить внимание, чтобы выделить важное и убрать второстепенное. Каждый навык требует собственного распределения внимания и нового алгоритма. Поэтому вполне естественно, что сталкинг начинается с выслеживания произвольного внимания.

(2) Непроизвольное внимание обусловлено биологией и нейрофизиологией. У всех млекопитающих с развитой ЦНС непроизвольное внимание работает по схожим законам. По сути, непроизвольное внимание — это простое отражение доминирующих энергообменных процессов. Среда (внешнее поле) диктует законы непроизвольного внимания так же, как законы самого выживания.

Например, пучок энергетических полей, который интенсивно перемещается в непосредственной близости от субъекта, может оказаться опасным. Подобный пучок, пребывающий в состоянии относительного покоя, реже представляет собой угрозу. Непроизвольное внимание в этой ситуации всегда фокусируется на более активном пучке. Близкие объекты для непроизвольного внимания важнее далеких, крупные важнее мелких, яркие важнее бледных и т.д.

Подобные законы работают и во внутреннем мире субъекта. Эмоции и переживания, впечатления и мысли имеют свою иерархию важности для непроизвольного внимания. Главная проблема в выслеживании непроизвольного внимания, когда речь идет о психических фактах, заключается в том, что содержание внутреннего мира чаще всего обусловлено всеми видами внимания одновременно. Некая часть бодрствующего сознания всегда следует за произвольным вниманием, другая — за послепроизвольным. Вычленив биологический автоматизм — это значит обрести важный инструмент сталкинга, поскольку этот автоматизм может исполнять роль конкурирующего сигнала в целом ряде нежелательных эффектов тоналя.

Сущность непроизвольного внимания заключена в непосредственности. Оно всегда пребывает «здесь» и «сейчас», и уже этим противостоит самозабвению бесконечных проекций в будущее и прошлое, в условное

(воображаемое) наклонение. Непроизвольное внимание в чистом виде несовместимо с индугированием. Таким образом, в процессе сталкинга можно опираться на произвольное внимание, чтобы устранить психоэмоциональные нагромождения, порожденные тоналем. Внутренний диалог принимает минимальное участие в этом виде внимания. Причем именно здесь внутренний диалог всегда опаздывает. Он не сопровождает и не оформляет внимание, он фиксирует последствия произвольного акта.

(3) Основное поле для выслеживания сталкера — это слепопроизвольное внимание. Этот тип внимания поддерживает основную часть тоналя, фиксирует режим восприятия и поглощает наибольший объем энергии. Почему? Субъективно нам кажется, что как раз произвольное внимание требует максимальных усилий от воспринимающего. На деле же все обстоит немного иначе.

Во-первых, слепопроизвольное внимание занимается поистине колоссальным объемом сигналов. Оно вычленивает, о-значивает, оценивает абсолютное большинство сигналов и сенсорных комплексов, поступающих из внешнего поля. Оно непрерывно «делает» окружающую среду — как природную, так и социальную, оно раскладывает по пунктам инвентаризационного списка эмоции, чувства, переживания. Во-вторых, сущность слепопроизвольного внимания — это своего рода «забытая произвольность». Любой акт слепопроизвольного внимания так же неестественен, как и действие произвольного внимания. Он обусловлен цепочкой символов, взятых из описания, совокупностью элементов внутреннего диалога. В известном смысле слепопроизвольное внимание — всегда результат размышления. Иногда оно бывает простым, но чаще скрывает в неотслеженных глубинах множество ходов и последовательностей. Мы не замечаем, как всякий раз повторяем это «размышление» — в сокращенном виде, разумеется. Но даже в сокращенном виде внутренний диалог потребляет все накопившиеся ресурсы, за исключением неприкосновенного запаса, который хранится на случай катастрофических перцептивных и психических нагрузок.

Не будет большим преувеличением сказать, что взрослый человек живет в мире слепопроизвольного внимания. Даже простейшие действия (например, ходьба) — результат слепопроизвольного внимания. Когда-то ребенок потратил достаточный объем произвольного внимания, чтобы научиться ходить, а не ползать на четвереньках.

Конечно, в царстве слепопроизвольного внимания тоже существует своя иерархия сложностей (энергоёмкости). Ходьба, например, относится к простейшим действиям и потребляет совсем мало энергии. Распознавание звуков и слов родного языка — более сложный процесс. К нему примыкает целая система социальных сигналов, условностей, возникших на ранних этапах антропогенеза, когда формировались первобытные племена с их примитивными (но уже искусственными) ритуалами.

Своеобразным апофеозом слепопроизвольного внимания стали для человека чтение и письмо. Эти навыки ярче всего демонстрируют искусственность мироописания и его условность. Одновременно они легли в основу глобального феномена человеческой культуры в целом. Сегодня чтение и письмо пребывают далеко не на вершине сложных автоматизмов слепопроизвольного внимания. Есть навыки куда более сложные, но все они базируются на тех же принципах: сотворение знака после многократного абстрагирования мысли и представления, а затем — сотворение синтаксиса, т.е. законов, управляющих последовательностями знаков.

Язык, чтение и письмо сделали мышление человека синтаксическим. Одновременно собственный неприродный синтаксис приобрели все виды восприятий и описание мира целиком. Само устройство общественной жизни человека с какого-то момента стало детищем синтаксиса. Абстрактные понятия генерируют социальные феномены, и общество существует как определенный язык.

Исторически эти явления (внимание, язык, социум, культура) развивались системно и синхронно. Степень их взаимовлияния друг на друга настолько велика, что мы не можем определенно выяснить, какой из факторов был решающим в конкретной ситуации развития. Очевидно одно — объем слепопроизвольного внимания на каждом следующем этапе возрастал. Это наблюдение и дает нам возможность уверенно говорить об усложнении тоналя человека, а равно о том, что с каждым столетием он требует все большего объема перцептивной энергии для поддержания своих разросшихся структур.

Таким образом, если объем произвольного и произвольного внимания остается в общем неизменным, то слепопроизвольное внимание впитывает в себя специфические содержания (часть которых постоянно меняется) и отнимает возможность изменить режим восприятия. Следует заметить, что это положение не нужно понимать буквально: рост мирового тоналя влияет на индивидуальный тонал человека определенной эпохи, но не определяет его содержание во всех частностях. Прежде всего, индивидуальный тонал не может удержать непрерывного потока модификаций описания — более того, он в этом не нуждается. Часть неактуальных содержаний регулярно отмирает и перестает быть объектом слепопроизвольного внимания. «Пузырь восприятия» принимает в себя те изменения, которые помогают ему более изощренно поддерживать неизменность базового режима перцепции. Поэтому усложнение одного аспекта может вызвать торжество вульгарной простоты и искусственной однородности в других областях описания мира. Таким образом тонал избегает губительного истощения — он всегда оптимален и пользуется самыми адекватными средствами для своего сохранения.

Поскольку сталкинг в первую очередь направлен на изменение объема слепопроизвольного внимания, он сам по себе может вызывать резкие колебания в интенсивности энергообмена. Этим объясняется способность сталкера не только фиксировать точку сборки в измененной позиции, но и смещать ее наяву, без обращения к сновидению или медитативному трансу.

Для достижения этой цели сталкер пользуется внутренними ресурсами. Если мы проанализируем процесс сталкинга с точки зрения манипуляции вниманием, то заметим, что объем слепопроизвольного внимания сокращается благодаря обращению к произвольному или непроизвольному вниманию. Именно к этому сводится процедура тотального сталкинга себя.

Мы можем выследить автоматизм (т.е. своевременно заметить его и остановить) либо посредством активного осознания, либо с помощью конкурирующего сигнала. Активное осознание делает слепопроизвольное внимание произвольным — поймав себя во время стереотипного отреагирования или восприятия, мы вынуждаем осознание «просканировать» обычно ускользающую цепочку символов и интерпретаций. Конкурирующий сигнал возникает при вычлениении элемента непроизвольного внимания из обычной сети стереотипных реакций.

В обычной ситуации внутреннего диалога непроизвольное внимание угнетено, вытеснено на периферию. Его возвращение в центр осознания, соответственно, «выдавливает» внутренний диалог и прекращает делание описания мира. Наиболее ярко этот принцип демонстрирует свою эффективность во время «ходьбы Силы». Максимальная активизация непроизвольного внимания, которая достигается благодаря неестественному расширению зрительного поля, вызывает впечатление переполненности информацией и останавливает внутренний диалог. Более мягкий вариант — слежение за работой непроизвольного внимания в любой текущей ситуации. Это состояние во многом идентично медитации «свидетель», которой пользуются некоторые йогические и буддистские школы.

Однако, манипуляция вниманием — всего лишь инструмент сталкинга. Она обретает смысл в том случае, если направлена на определенные области, благодаря чему дает новый опыт и позволяет в дальнейшем не только иначе переживать внешнее и внутреннее, но и познать закономерности своего существования в тоне, чтобы затем целенаправленно преобразовывать его.

Чтобы добиться этого, нужно изучить механизмы повседневного реагирования. Понятно, что сигналы, требующие отслеживания, движутся как снаружи вовнутрь, так и изнутри наружу. Всякий раз формируется цепочка «снаружи — внутрь — наружу». Эта простейшая структура может бесконечно развиваться. Каждый цикл отреагирования порождает новый внешний сигнал, который становится началом нового восприятия и, соответственно, нового реагирования.

Пристальное наблюдение за этим круговоротом доказывает наше печальное однообразие и неспособность чему-то научиться, если внутренний диалог не прерывается. Сталкинг, можно сказать, начинается с наблюдения. Стимулы, впечатления, ситуации повторяются бесконечно, поскольку мы одинаково на них реагируем. Реакции порождают поступки, поступки создают обстоятельства, которые поставляют материал для восприятия. Мы выбираем ту часть материала, которая вызывает знакомое уже реагирование. Так формируется замкнутый круг переживаний, эмоций, мнений. Мы повторяем себя с незначительными вариациями, в конечном счете оставаясь на одном и том же месте.

Непрерывное движение перцептивных сигналов по описанному кругу «снаружи — внутрь — наружу» есть не что иное как поток впечатлений, отражающих энергообмен нашего кокона с внешним полем. Поскольку этот процесс многоуровневый, он транслируется осознанию одновременно через несколько содержательных областей.

«Снаружи — вовнутрь»:

- (1) сенсорная,
- (2) интерпретация восприятия,
- (3) интерпретация в системе описания мира (то, что определяет ценности, локусы, позиции, валентность значений по отношению друг к другу — именно это непрерывное сопоставление воспринимаемого с инвентаризационным списком тона вызывает большую часть продуктивного галлюцинирования).

«Изнутри — наружу»:

- (4) первичное реагирование,

(5) повторное реагирование (проверка),

(6) реакция индульгирования (психическая реверберация).

Эти области участвуют в цикле восприятие-реагирование как самостоятельно, так и в различных сочетаниях. Они влияют друг на друга, обуславливают друг друга, образуя разнообразные конструкции с участием всех трех типов внимания.

Выслеживая содержательные области, мы можем нарушить ряд трудно замечаемых автоматизмов. При этом особенно эффективным чаще всего оказывается выслеживание внутренней дистанции, существующей в психическом пространстве между сенсорной и интерпретационной зонами (1) и (2), а также первичным и повторным реагированием (4) и (5).

Здесь открываются необычные виды чувствительности, которые лежат в основе всех видов так называемого «экстрасенсорного восприятия». Бессознательно пользуясь приемом выслеживания паузы между сенсорным восприятием и его интерпретацией, первичным и повторным реагированием, сенситивы и экстрасенсы могут узнавать то, что обычно недоступно самопогруженному сознанию нормального человека.

Так может работать «психометрия» (опознание информационных следов через объекты), экстрасенсорная диагностика и многое другое. Пользуясь этим же приемом, толтек находит «место силы» и определяет его как благоприятное или неблагоприятное. Кастанеда описал это достаточно красноречиво. Когда дон Хуан заставил ученика непостижимым образом воспринять отличительные признаки места силы, он тем самым обучил его этому виду сталкинга. Именно обнаружение паузы между сенсорным восприятием и интерпретацией привело к осознанию прежде недоступной информации об окружающем мире. Транслироваться такая информация может самыми разными и всегда субъективными путями — визуально (цветовые пятна, необычный блеск и т.п.) или кинестетически (странные ощущения в теле). Иногда знание приходит путем, который вообще невозможно идентифицировать — как бы непосредственно. В результате глубокого сталкинга, направленного на разделение сенсорной и интерпретационной области, тело может самостоятельно реагировать на открытую информацию (идеомоторными актами). Лозоходцы открыли этот способ много веков назад, используя в качестве усилителя чувствительности лозу или рамку (специфическую антенну). Конечно, самые чувствительные не нуждаются в антенне — телесные реакции сенситивов настолько очевидны, что их легко удается опознать. Тело само останавливается, поворачивается, вздрагивает и т.п.

Пауза между первичным и вторичным реагированием часто становится источником знания о состоянии других людей, их мотивации и других психологических моментах. Дело в том, что первичное реагирование, будучи по своему происхождению более древним, не столь жестко детерминировано описанием мира. Оно в большей степени отражает энергетическое состояние внешнего мира, а не значение (семантику) объектов. Повторное, или проверочное реагирование — это окончательное вписывание сигнала в тональную модель. Умение выслеживать паузу между реагированиями нередко встречается у опытных психологов-практиков, что делает их невероятно проницательными.

Авторы нейролингвистического программирования в свое время пытались создать обучающую методику, построенную на этом принципе. Наблюдения Гриндера и Бэндлера за самыми талантливыми психотерапевтами и гипнотизерами (такими, как Эриксон) вдохновили их на подобные поиски. Интересно, что, даже пользуясь методами НЛП, не все могут научиться «сверхнаблюдательности». Возможно, как раз потому, что не усваивают фундаментальный принцип этого загадочного действия — выслеживание первичного реагирования и отделение его от реагирования повторного. Модель, предложенная авторами НЛП, работает в той мере, в какой способствует формированию навыка выслеживания.

Таким образом, когда данный вид сталкинга направлен на внешний мир, мы начинаем получать новые знания о нем. Если же мы заняты самотрансформацией, то узнаем многое о себе.

Области (3) и (6) не менее важны, но выслеживаются относительно легко. Пожалуй, с них и начинается сталкинг. Выслеживание значений и ценностей, образуемых ими систем и отношений, — это то, без чего работа над безупречностью не может начаться. То же касается и выслеживания индульгирования. Эти содержательные области являются поверхностью нашего тоналя, от них мы отталкиваемся, когда приступаем к работе над более глубокими пластами (1), (2), (4), (5).

Последовательность достаточно очевидна. Например, вы сталкиваетесь с ситуацией, вызывающей сильное эмоциональное реагирование. Прежде всего, вы определяете место замеченной эмоции и ее смысл в описании мира — допустим, это связано с чувством собственной важности и вызвано посягательством на определенную ценность. Разумеется, вы открываете два аспекта этого события реагирования — внешний (связанный с восприятием) и внутренний (связанный с переживанием восприятия). Исследуя внешний аспект, практик находит интерпретацию (2) и затем сам сенсорный сигнал, породивший интерпретацию (1). Обратившись к внутреннему аспекту, практик прежде всего сталкивается с многократно повторенной эмоцией

(индуглирование), идентифицирует повторное, проверочное реагирование — источник эмоции (5) и добирается до первичного реагирования (4).

По мере продвижения к областям (1) и (4) интенсивность осознания неумолимо возрастает. Это связано как со спецификой самих содержаний, так и с необходимостью привлекать все большие объемы внимания. Если означивание и оценка (3) производятся менее автоматически, с осязательным участием произвольного внимания, то по мере приближения к чистой сенсорности (1) произвольность исчезает, ее целиком заменяет послепроизвольное внимание — самое неуловимое из всех. Абсолютно то же самое происходит с внутренним аспектом: индуглирование (6) больше всего содержит произвольного внимания, первичное реагирование (4) держится вниманием послепроизвольным и непроизвольным.

Тотальный сталкинг (то есть, ситуация одновременного выслеживания всех областей) — крайне сложный процесс. Он требует предельной интенсивности осознания и вряд ли может продолжаться долго. В тех случаях, когда его удается поддерживать на необходимом уровне хотя бы пару часов, формируются все условия для смещения точки сборки. Причем характер смещения отличается от того, что наблюдается при неделании и, тем более, сновидении. Это медленный дрейф, который сопровождается частыми фиксациями. Вслед за дрейфующей ТС полноценно и мощно активизируются различные зоны кокона, что обеспечивает высокую степень интеграции медленно изменяющихся режимов восприятия. Рано или поздно, следуя данному импульсу, точка сборки достигает положения «повышенного осознания» без знаменитого «удара Нагваля». Это, наверное, самое мощное состояние энергетического тела наяву. Последствия такого опыта могут быть невероятны.

Во-первых, тотальный сталкинг резко повышает способность достигать второго внимания через сновидение. Плотность и яркость восприятия в сновидении связана с характерно «сталкерским» уплотнением тела сновидения. Во-вторых, энергетичность наяву вызывает магические эффекты синхронистичностей и влияний — прежде всего, это воздействие на восприятие окружающих, а порой даже воздействие на неживые объекты. У Кастанеды, как вы помните, мастером подобных воздействий был великолепный Хенаро.

Конечно, столь масштабные достижения открываются в результате десятилетий упорной работы при наличии таланта. Важно понять, что это возможно, и что условием здесь является тотальный сталкинг, принципы которого я в основном описал. О некоторых специфических эффектах еще будет сказано в последующих главах.

Если тотальный сталкинг является как бы стратегической целью всей дисциплины, то частный сталкинг, направленный на конкретную задачу, — это повседневная работа. Каждый раз, используя сталкинг, мы разрешаем актуальную проблему нашего тоналя. Из этих шагов состоит последовательная очистка внутреннего пространства и трансформация отдельных комплексов.

В основе «частного сталкинга» лежат определенные сценарии. Поскольку сталкинг — это всегда творчество и импровизация, описать все сценарии не представляется возможным. Остановимся на главных. В большинстве случаев сталкер отталкивается от них, чтобы найти собственную уловку.

Сценарии сталкинга.

Будучи мастерством управления осознанием (в первую очередь, своим собственным), сталкинг использует инструменты, «зацепки», идущие от периферии к ядру, от опосредованных репрезентаций психических процессов (их эффектов, следствий, феноменов) к осознанию как таковому. Часть процессов этого уровня была, в частности, описана нейролингвистическим программированием, авторы которого построили собственную модель привлечения внимания к автоматизмам восприятия в психотерапевтических целях.

Основная масса наших неосознаваемых переживаний, как известно, репрезентирует (представляет) себя в психическом поле через привычные сенсорные системы — зрение, слух, кинестетику. Намного реже в этом участвуют обоняние и вкус, как содержащие минимальную семантику. Описание мира прежде всего визуально, затем аудиально и кинестетично — именно эти системы являются главным источником информации как о внешнем поле, так и о самом субъекте. Любая мысль, чувство, эмоция «представляется» нам в этих трех модусах. Но главное даже не это. Хитрость заключается в том, что через те же системы «представления» (репрезентации) возможна корректировка реакций и даже полная трансформация их.

Каждый человек имеет собственные предпочтения, или, выражаясь языком НЛП, «репрезентативные системы». Один склонен переживать какие-то содержательные области своей психики визуально (образами), другой — через слух или осязание. Соотношение систем всегда индивидуально. Абсолютных доминант здесь не существует. Скорее, следует говорить о рефлекторных связях конкретных содержаний с конкретным сенсорным каналом. В этом смысле ставшее уже традиционным деление людей на визуалов, аудиалов и кинестетиков достаточно условно. Даже у ярко выраженного «визуала» есть поля реагирования, где торжествует слуховое или кинестетическое репрезентирование. И наоборот.

Таким образом, следует учитывать, что в роли сталкеровских «зацепок», через которые осуществляется выслеживание и управление, могут выступать все три системы, а иногда и пять — учитывая обоняние и вкус. Каждый раз надо самостоятельно определить, какая «зацепка» является самой эффективной для выслеживания и трансформации реагирования.

Чаще всего мы связываем свои чувства с визуальным и кинестетическим каналом, что вполне логично как с психологической, так и с энергетической точки зрения. Восприятие (и, соответственно, репрезентация) звука расположено как бы немного в стороне. Возможно, это связано с возникновением второй сигнальной системы, настроенной на расшифровку звуковых символов. Постоянно пользуясь речью и слушая речь, человек усвоил бессознательное намерение прежде всего понимать звук как знак. Он репрезентирует аудиально главным образом собственный внутренний диалог (в виде ментального комментирования) и относительно редко ассоциирует переживание с чистым, не-семантическим звуком.

Визуальность и кинестетика — области, которые постоянно участвуют в любом реагировании. Функционируя в среде, мы главным образом видим и чувствуем ее. Чаще всего одновременно. А потому реакция (эмоция) в контуре «изнутри — наружу» сопровождается визуальной и (или) кинестетической продукцией.

Если поймать самого себя в момент отреагирования, используя всплеск произвольного внимания, то вам откроется комплекс осязательных ощущений (чаще всего их сопровождают характерные мышечные напряжения) и картинка (образ, совокупность образов). Кинестетический комплекс включает в себя ощущения холода, тепла в разных частях тела, дрожь, «мурашки», нечто, напоминающее электрические разряды, и др. Мышечные напряжения либо дополняют эту кинестетику, либо замещают ее.

Известны области, где мышечные напряжения проявляются особенно ярко и часто, зафиксированы общие закономерности, связи между конкретными эмоциями и мышечными напряжениями.

Например, чувство обиды почти всегда сопровождается напряжениями горла и шеи. Чувство страха сопровождается спазмами брюшной полости. Униженность и подавленность демонстрирует себя в характерном напряжении плечевого пояса и верхней части спины. И т.д. и т.п. У каждого связи между реакцией и мышечным напряжением формируются индивидуально, здесь можно найти исключения из общих правил или множество дополнительных нюансов. Поэтому каждый сталкер должен выследить поведение своих мышц лично, а не листать справочники по практической психологии.

Как только кинестетическая «зацепка» найдена, на нее можно воздействовать произвольно и таким образом трансформировать сам характер реагирования. Теоретически это несложно, но требует длительной и упорной практики. Если вы обнаружили, что, испытывая тот или иной вид страха, ваше тело холодеет или непроизвольно дрожит, надо вызвать тепло и расслабление. Если во время приступа раздражительности, гнева, обиды у вас горят щеки или руки, надо научиться вызывать в этих зонах чувство прохлады.

Выслеженные мышечные блоки растворяются также при помощи тепла, вызывания чувства тяжести и непосредственного расслабления. Давно известно, что можно остановить страх, глубоко расслабив область живота. Очень многое можно сделать со своими реакциями через контроль за плечевым поясом, спиной, шеей и — особенно — лицом. Мимические мышцы трудно поддаются контролю и исполняют особую функцию кинестетической поддержки любого эмоционального переживания. Губы, щеки, мышцы вокруг глаз, лоб — все это крайне подвижно и редко расслабляется. Выследить собственную непрерывную мимику — это уже поставить под контроль немалый объем повседневных реакций.

Для качественного сталкинга требуется произвести работу, состоящую из двух этапов: (1) выследить и остановить кинестетическое сопровождение, (2) разорвать автоматическую связь между телесным ощущением (напряжением) и реакцией. Первый этап реализуется, когда вы достигаете способности вызывать диаметрально противоположные кинестетические комплексы (тепло вместо холода, расслабление вместо напряжения и т.д.). Второй этап — сложнее. Здесь надо научиться вызывать привычную кинестетику и мышечные напряжения, не испытывая при этом эмоциональной реакции, рефлекторно связанной с ними. Это очень важно. Иначе вы не свободны в своем самоконтроле. Это особенно заметно, когда речь идет о мимике. Если вам необходимо неестественным образом расслабить лицо, чтобы избавиться от какой-то эмоции, — это не сталкинг. Окружающим вы покажетесь более чем странным субъектом, который бродит по миру с лицом лунатика или дебила.

Поэтому практика произвольных расслаблений (1 этап) — это лишь подготовительный тренинг, который необходим для осознания и ломки стереотипа. Это тренинг, который обеспечивает сталкера телесным опытом. На втором этапе обретенный телесный опыт используется как «зацепка» для уничтожения автоматизма — например, сталкер осознанно напрягает мимические мышцы, удерживая внутреннюю дистанцию, «не участвуя» эмоционально (психологически) в собственном выражении лица. (С точки зрения тотального сталкинга это тоже не высшее достижение. Это просто качественный контроль «актерского» типа. Его можно разоблачить, потому что всякая, даже самая совершенная «игра» в некоторых ситуациях интуитивно

распознается наблюдателем. А подлинный сталкинг, как говорил дон Хуан, это не «актерская игра». Об этом моменте я еще скажу.)

Визуальная репрезентация выслеживается по тому же принципу. Специфика визуальности состоит в том, что работать приходится с простым образом или сложной картинкой. Здесь методы, разработанные нейролингвистическим программированием, можно применять с большим успехом. Я не стану подробно их пересказывать, а просто порекомендую интересующимся ознакомиться с техникой модальностей и субмодальностей. Общий смысл трансформационного метода заключается в манипулировании визуальным воображением. Картинка, которая сама собой возникает в глубинах нашей психики, когда происходит эмоциональное реагирование, имеет множество параметров — яркость, размер, цвет, затенённость, приближенность или удаленность и т.д. Какой-то из этих параметров (субмодальностей) автоматически связан с характером переживания. Здесь открывается широкое поле для саморегуляции, поскольку визуальность многоаспектна и очень информативна. Можно менять «знак» эмоции, ее интенсивность, можно формировать новые эмоциональные паттерны, увеличивая или снижая яркость картинки, приближая или удаляя от себя образ, окрашивая или затеняя части картины или всю ее целиком.

Разумеется, это лишь технология. Это не сам сталкинг, но весьма удобный набор инструментов для него. Настроение сталкера поддерживается лишь в том случае, если в процессе манипуляционных игр вы помните, что ни изначальная эмоция, ни видоизмененная при помощи НЛП не является вашей сутью. Человек — это Тайна; осознание, как и энергетическое тело, в конечном итоге принадлежит наугалю. Выслеживая себя, вы раскрываете в себе экзистенциальную свободу. Иными словами, все эти манипуляции нужны не для того, чтобы из одного типа обусловленностей произвольно перейти в другой тип таких же обусловленностей (что, собственно, является задачей НЛП, как и всякой психотерапевтической методики). Задача сталкера — научиться манипулировать любыми обусловленностями, рефлексам, «якорями», непрерывно осознавая собственную непричастность к ним.

Выражаясь языком Т. Парсонса (которого вспоминал в этой связи Кастанеда), цель заключается не в переходе от одной системы глосс к другой (реглоссировке), а в открытии условности любых систем глосс, освобождении от них (деглоссировке). Только в случае сталкинга речь идет не столько о глоссах восприятия (с ними работают при помощи «неделания»), сколько о «глоссах реагирования», если можно их так назвать.

Поэтому перечисленные здесь инструменты используются не только и не столько для манипулирования собственной психикой под известным лозунгом «Используйте свой мозг для изменения». Они нужны для познания своей «системы глосс» и освобождения от нее.

Для этого применяются сценарии сталкинга. Вот самые важные из них:

(1) Выслеживание однотипности («ядра» или «импринта»).

Добиться полного успеха в этом деле нельзя без качественного перепросмотра, которому посвящена следующая глава. Но область психоэмоционального триггера (включающего механизма) в известной мере обнажается в процессе сталкинга текущих состояний. Сталкинг может указать основные координаты и направление, в котором следует перепросматривать тот или иной комплекс.

Дело в том, что человек — существо, непрерывно повторяющееся. Одна и та же программа реагирования может включаться несколько раз в день, так что внимательное наблюдение обязательно покажет нам ее основные черты.

Выслеживая «однотипность», сталкер стремится найти первый и самый важный элемент в реакции — ее начало. Это и есть «ядро». Бывает, что «ядро» — это один из импринтов, которые были описаны в первой части книги. Но чаще «ядром» оказывается не импринт, а небольшая конструкция из символов и рефлексов, которая сформировалась в нашем тоне на основе уже обусловленного импринтами опыта. Такая конструкция бывает привязана к знаку, символу, слову, ситуации, человеку и даже неживому объекту.

Последнее только кажется странным. На самом деле это вполне тривиальное явление в нашей эмоциональной жизни. Таких банальностей полным-полно. Есть женщины, которые впадают в бешенство при виде работающего телевизора (потому что муж смотрит его целыми днями), есть взрослые и ответственные мужчины, которые любыми способами избегают компьютера (потому что им когда-то показалось, что освоить его они не могут, и это болезненным образом ущемило их образ себя как людей способных и интеллектуальных), и т.д. и т.п. Связь объекта и эмоции у них настолько сильна, что телевизор (компьютер) вызывает одно и то же чувство в любой ситуации. Само наличие объекта в воспринимаемом поле является триггером для реализации эмоциональной программы.

Что уж говорить о людях или, например, словах! С ними связано так много, что они могут определять весь эмоциональный фон жизни. Иногда одно слово или словосочетание, даже будучи вырванными из контекста,

провоцируют целую эмоциональную бурю. А конкретные люди или простое упоминание о них могут испортить настроение (либо исправить его) не действиями и не ситуациями, а самим фактом своего бытия.

Выследить «ядро» и запомнить, какую именно реакцию оно начинает, — уже наполовину избавиться от автоматизма. Бдительность stalkера дает возможность трансформировать реагирование на «ядро», если вы ставите перед собой эту цель.

(2) Выслеживание алгоритма.

Этот сценарий stalkingа направлен на осознание последовательностей и изменение их. Если первый сценарий направлен на вычленение запускающего элемента поведенческой программы, то «выслеживание алгоритма» подразумевает осознание личного синтаксиса — языка, с помощью которого создано ваше описание мира.

Следуя лингвистической аналогии, можно сказать, что всякая завершенная ситуация реагирования — своего рода предложение, в котором заключена особая логика. Подобно тому, как члены предложения идут в определенном порядке и этим порядком обеспечивается адекватная передача смысла, переживания, эмоции, чувства связаны психологическими моделями, штампами, паттернами. Присущая им логика — это логика «идей» тоналя, выросшая не только из общих для данного социума контуров, но и из личной истории индивида.

Когда мы автоматически следуем алгоритму, интенсивность осознания неуклонно падает. По сути, всякая программа реагирования, которой мы научились в обычной позиции «небезупречности», направлена на то, чтобы лишить нас энергии. Это алгоритмы «последовательного и всестороннего истощения». В психологии их иногда называют гештальтами.

Самые общие законы психологического синтаксиса даже можно описать, но здесь в этом нет необходимости. Достаточно иметь в виду, что они включают в себя усиление эмоции, отсрочивание, вытеснение. Чаще всего мы сталкиваемся с усилением. Оно обеспечивается способностью эмоций взаимно переходить друг в друга в рамках синонимического ряда. Так, в рамках одной программы реагирования обида и злость могут беспрепятственно усиливать друг друга. Точно так же происходит в других «рядах» — обида и зависть, зависть и злость, обида и жалость, жалость и злость и т.д. Однако синтаксически невозможно поставить рядом обиду и радость — в любой последовательности. Эти переживания встречаются рядом только в том случае, если относятся к двум разным программам реагирования. Иными словами, то, что вызвало у вас обиду, не может сразу же порадовать, и наоборот.

Данный сценарий stalkingа подразумевает выслеживание конкретной последовательности, которая ведет к энергетическому истощению. Навык узнавания таких последовательностей дает возможность либо сделать «паузу» (прервать реагирование), либо парадоксальным образом трансформировать их. Иногда для этого приходится пользоваться целым набором инструментов, описанных выше. Ибо остановить психологический синтаксис для нормального человека так же противоестественно, как прервать речь, не договорив до конца фразу или слово. Что же касается трансформации программы без ее остановки, то это еще сложнее.

Главная цель такого stalkingа — избежать потери энергии. Динамизм наших реагирований столь велик, что успешная реализация сценария часто приводит не только к сохранению энергии, но и к весьма быстрому ее накоплению (поглощению). Энергетически это даже более эффективный прием, чем неделание или созерцание. Дело в том, что подобный stalking обычно осуществляется в ситуации мощного энергообмена и коммуникации с окружающими. Полевая подвижность, которая прежде истощала нас, в ситуации stalkingа вдруг становится источником Силы, а не поглотителем ее. Неделание (которое всегда происходит на фоне замедленных энергетических процессов) далеко не всегда приводит к настолько впечатляющим результатам. Stalkеры знают об этом и успешно используют данный эффект.

(3) Выслеживание привычки (внутренней и внешней).

Это более частный сценарий, чем предыдущие, но в ряде аспектов не менее важный. Здесь выслеживание направлено на жесткие соединения элементов внутри программы реагирования. Продолжая лингвистическую аналогию, можно сказать, что здесь речь идет о выслеживании трансформации устойчивых «фразеологических оборотов». Это локальные цепочки, состоящие из небольшого числа звеньев, которые реализуют себя совершенно одинаково (без модификаций, с минимальным учетом контекста) практически во всех ситуациях нашей жизни.

Привычка — это однозначное отношение, возникшее между сенсорным восприятием и реакцией (внешняя привычка) либо между реакцией и реакцией (внутренняя привычка). В самом простом случае (который на практике встречается довольно редко) речь идет об отношении между двумя элементами. Данный сценарий, если говорить упрощенно, — это выслеживание «якоря» или рефлекса. К этой же области выслеживания относятся простейшие комплексы. «Внешняя» привычка инициируется обстоятельствами и содержанием воспринимаемого, «внутренняя» — собственными эмоциями.

Существует ряд примитивных привычек, в которых можно найти больше биологического, чем социального. Такие привычки осуществляются при помощи непроизвольного внимания и не связаны с реагированием на подобных (не-социальны). Каждый человек имеет в себе определенный объем простейших жестких автоматизмов. Часто они возникают в самом раннем детстве. Это может быть характерная походка, осанка, привычка скрещивать ноги и т.д. вплоть до дурных привычек, которые мы обычно пытаемся скрыть от других. Разумеется, они не поглощают существенных объемов энергии тоналя и сами по себе вполне безобидны (если не направлены на разрушение тела). Но их можно использовать в качестве «зацепок» для тренировки произвольного внимания.

В области выученного также немало подобных автоматизмов. Сюда относится, например, «праворукость» или «леворукость», почерк, манера держать вилку во время еды, заполнять паузы в разговоре конкретными, не имеющими смысла речевыми штампами и т.п. Механизм примитивной привычки может поддерживать биохимическую зависимость и превращать ее в настоящую проблему.

Отличительная черта привычки — отсутствие семантики. Сама по себе привычка не поддерживает описание мира, но может включать более сложные процессы, которые фиксируют позицию точки сборки и режим восприятия. Выслеживание привычек — важный момент в формировании навыка остановки, «паузы» реагирования.

Некоторые привычки тесно связаны с целым рядом характерных черты психологического типа. К примеру, специфическим отражением ряда внутренних комплексов является почерк, что иногда позволяет осуществлять успешную графологическую диагностику в психологии. Пытаясь изменить почерк, человек, разумеется, не меняет свой психологический тип, но привлекает произвольное внимание к собственной моторике. Поскольку же моторика рефлексивно связана с эмоционально-чувственным фоном, таким образом можно сделать его более явным и облегчить дальнейший сталкинг.

Остановке таких простейших автоматизмов большое внимание уделял Гурджиев. Известно, что при должной настойчивости «пауза» может ввести субъекта в трансподобное состояние общей перцептивной и реактивной дезориентации. Такое состояние, в свою очередь, может сопровождаться «импринтной уязвимостью» — следовательно, его можно использовать для реимпринтирования. К сожалению, без инструктора использовать этот прием крайне сложно. В самостоятельной работе «остановка привычек» редко вызывает целенаправленную трансформацию того или иного импринта. Эффект здесь ограничивается общим усилением осознания. Впрочем, наличие несгибаемого намерения при постоянной практике выслеживания привычек ведет к нужным трансформациям в сторону безупречности. Просто сталкер должен не забывать о цели и систематически использовать все возникающие на пути шансы.

(4) Выслеживание мотива и ценности.

При помощи этого сценария можно осознать целый ряд индивидуальных нюансов в собственном описании мира. Использование такого типа сталкинга формирует установку, которая затем полноценно реализуется во время перепросмотра. Поскольку метод выслеживания мотива и ценности целиком относится к области значений (семантике), для его осуществления можно использовать специально организованный внутренний диалог.

Этот сценарий можно даже назвать «актуальным мини-перепросмотром». Когда завершается ситуация реагирования либо когда эта ситуация уже достаточно проявила себя, следует просто отстраниться от нее и задать себе пару простых вопросов:

«Что именно вызвало эмоцию?»

«Почему я отреагировал именно так?»

«Почему это для меня важно?»

Условиями успешного сталкинга в этом случае являются высокая бдительность и предельная искренность. Понятно, что искренность возможна уже на фоне некоторой безупречности. Человек всегда находит оправдания своим эмоциям, рационализируя их. Важно заметить, когда и каким образом вы «водите себя за нос». Открытие в собственном тоне системы самообманов требует определенного мужества. Занимаясь этим видом сталкинга, вы непременно коснетесь «святыни» — взлелеянного образа себя. Это не должно вас задевать или расстраивать. Если вы впадаете в депрессию или самоуничижение, узнав, что далеко не так хороши, добры, умны, талантливы, как прежде полагали, — сталкинг не завершен. Теперь вам следует понять, почему вы расстроены. Процесс «самокопания» продолжается до тех пор, пока вы не испытаете подлинное бесстрашие и отрешенность, разглядывая свои проблемы, недостатки, несовершенства.

Все это входит в методику «очищения» тоналя. Каждый выслеженный комплекс, когда он перестает вызывать

эмоции, автоматически переходит «на сторону разума», освобождая пространство для новой чувствительности. Осознанная ценность (мотив) выходит из привычного самозабвения и уже не в состоянии функционировать совершенно автоматически. В процессе такой работы человек постепенно освобождается от своей прежней психологии, что не может не сказаться на поступках, эмоциях, решениях. Сталкер перестает следовать законам бихевиоризма, зоны его непредсказуемости последовательно расширяются. Как выразился дон Хуан, он перестает быть «дичью» и становится «охотником» — Человеком Неведомым как для других, так и для самого себя.

По мере того, как расширяются объемы выслеженного пространства в себе, сталкер замечает все больше в окружающем мире. И тогда он приступает к двум сценариям, на которые раньше просто не хватало энергии, — к «маскировке» и выслеживанию чужого тоналя. Они свидетельствуют о приближении мастерства, потому что требуют удвоенной бдительности. В случае «маскировки» надо непрерывно удерживать состояние безупречного воина и моделировать социально адекватное (приближенное к оптимальному) поведение. Выслеживание чужого тоналя еще сложнее, поскольку включает в качестве обязательного условия тщательный сталкинг себя и при этом осознанное наблюдение за проявлениями описания мира другого человека.

Как многократно указывалось, выслеживание чужого тоналя не подразумевает манипуляции им. Конечно, сталкер оказывает влияние на тех, с кем вступает в коммуникацию, корректируя собственное реагирование. Особая ситуация возникает, когда приходится иметь дело с «мелким тираном», поскольку сталкер должен «обезвредить» его, победить психологическое давление и построить обстоятельства выгодным для себя образом. Но даже здесь вряд ли можно говорить о настоящей манипуляции другими людьми. Ибо тиран останется тираном. Он всего лишь потеряет возможность терроризировать сталкера, истощать его эмоционально и энергетически. Это и станет победой над тираном, реальной проверкой уровня самоконтроля и осознания сталкера. Практическим последствием такой победы будет отказ «мелкого тирана» от свойственного ему типа поведения — он теряет интерес к бывшей «жертве» либо признает ее независимость.

Что же касается «маскировки», то она уже сама по себе является стиранием личной истории. Ведь сталкер удаляет из сферы опознаваемого и узнаваемого другими значительную часть своей личности. В этом смысле дон Хуан был, безусловно, прав, когда учил Кастанеду не давать никому исчерпывающей информации о себе. Это не «скрытничанье», не нарочитая «завеса тайны», которая лишь привлекает излишнее внимание со стороны окружающих. Напротив — это иллюзия «обычности».

Именно здесь «актерская игра», о которой было сказано выше, должна перерасти в нечто большее — а именно, в моделирование такого типа энергообмена с окружающими, что они не в состоянии заметить ничего необычного. Такой эффект возникает на уровне овладения тотальным сталкингом. Его невозможно сыграть, нельзя имитировать, пока интенсивность осознания не достигла определенного уровня. Ибо здесь формируется некая часть энергетического тела, которая может как бы самостоятельно производить маскирующие энергопотоки (интуитивно воспринимаемые другими людьми как «подлинность»), при том, что центр осознания не принимает в данной энергетике никакого участия, сохраняя неизменную безупречность. Часть сталкера словно на самом деле переживает эмоции и чувства, которых в реальности нет, и этим окончательно сбивает с толку тональ наблюдателя.

Это высокое искусство — свидетельство реализации свободы от социума и эго энергетических воздействий. Это превращение сталкера в подлинную Тайну.

Источник:

[Проект «Нагуализм нового цикла»](#)